

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Леонид Баталин

БЛЕСК И НИЩЕТА СУМАСШЕДШИХ

Леонид Баталин

Блеск и нищета сумасшедших

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Баталин Л.

Блеск и нищета сумасшедших / Л. Баталин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03750-2

Что вы знаете о психушках? Наверняка что-то совсем поверхностное или стереотипное. Что же там происходит на самом деле? Эта книга — ваш экскурсовод по утопичному русскому дурдому. Большая её часть была написана автором прямо в психушке и основана на реальных событиях. «Блеск и нищета...» – это 50 историй, не связанных между собой сюжетом, но связанных персонажами и местом действия – психиатрической лечебницей провинциального города N-горска. Русский дурдом открывается здесь со всех сторон: как самых смешных, так и самых трагичных и жутких. Присутствует уголовный жаргон, копрофагия, мужеложство и прочие страшные вещи. Крайне не рекомендуется к чтению. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03750-2

© Баталин Л., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие от автора	5
Пролог	6
1. Взрослые люди	7
2. Раздача лекарств	10
3. Туалет. Лысый и Хрюша	15
4. Единичка	20
5. Жабa Ивановна. Тихий час	24
6. Сeдьмая палата. Леночка и Чуча	27
7. Всего лишь	29
8. Ужин	31
9. Лунтик	33
10. Операция «Процедурка»	35
11. Масяня	39
12. Карательная медицина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Предисловие от автора

Данный текст является вымышленным художественным произведением, однако многие главы основаны на реальных событиях, а персонажи имеют под собой реальные прототипы с другими именами. Все эти истории собирались в течение нескольких лет, а впоследствии были сильно гиперболизированы и пропущены через нездоровую фантазию автора. Воспринимать всё это всерьёз никому не рекомендуется.

Особую благодарность хотелось бы выразить людям, без которых бы не было этой книги:

Р. – За тепло и поддержку во времена написания книги. Береги себя.

О. – За идею канала в телеграме, за бесконечную веру в меня и мои перспективы, за сильнейшую поддержку в самые сложные периоды моей жизни и за всё остальное. Без тебя бы написание этой книги не дошло бы даже до половины.

Спасибо моим родителям и моему психотерапевту.

А также всем подписчикам моего канала, в особенности тем, кто отправлял мне отзывы и критику. Спасибо всем блогерам, которые репостили главы этой книги, и спасибо тем, кто ещё будет это делать.

И отдельное, огромное и необъятное спасибо художнице и дизайнеру Анне Юдаевой за все иллюстрации и обложку. Обращайтесь к ней, она открыта к сотрудничеству. Найти другие её работы вы можете в инстаграме: @anna_juda. Её телеграм для связи: @yonahedgehog.

P.S.

Раньше эта книга имела другое название – «50 оттенков жёлтого», но я решил его сменить на более подходящее, о чём думал уже давно. Спасибо человеку, который всё же склонил меня к смене названия книги, а заодно и мотивировал продолжить работу над ней и скорее направить в печать. Возможно, без тебя бы это надолго затянулось.

P.P.S.

Всю информацию о моём творчестве можно найти в телеграм-канале и паблике ВК:

t.me/batalinz

vk.com/batalinz

Это моё первое большое произведение, но пишу я уже девять лет. У меня есть немало старых работ, множество новых идей и поистине наполеоновские планы в литературе. Если вам интересно то, что я пишу – подписывайтесь, там будет много нового.

Приятного чтения.

Пролог

По-настоящему сильным до тех пор не будешь, пока не научишься видеть во всём смешную сторону.

Кен Кизи, «Пролетая над гнездом кукушки», 1962

Возможно, вы слышали такое выражение: «Армия – лицо государства, по которому видно, что страна из себя представляет». Звучит разумно. Другие говорят, что в гораздо большей степени о менталитете страны говорит её уголовная среда – в этом тоже есть смысл. Но ни разу почему-то не доводилось слышать, как подобное говорят о психиатрических лечебницах. И решил, что это надо исправить, поскольку **наша психиатрия как ничто другое отражает всю глубину величия и падения русской души.**

На окраине города N-горска стоит дом. Ветхое двухэтажное здание, в котором, говорят, даже прятались партизаны во времена второй мировой, своим внешним видом никак о себе не говорит. Ежедневно мимо него проходят тысячи людей, не подозревая, что в нескольких шагах от них начинается аномальная зона. Когда-то окна, выходящие на улицу, принадлежали пятой палате первого отделения и, проходя мимо, можно было заметить шизиков с безумными лицами, умоляющих вас закинуть им в форточку сигарету или хотя бы бычок, но после многочисленных жалоб планировку поменяли, и теперь лишь надпись «**N-горский психоневрологический диспансер**» слегка намекает на происходящее там безумие. Но люди редко её замечают. А мы заметим, и с этой таблички начнётся наша экскурсия в потусторонний мир.

* * *

На небольшой, казалось бы, территории больницы – около 70 тысяч квадратных метров – находится отдельный мир со своими правилами. Семь отделений – четыре мужских и два женских, – пищеблок, кабинет стоматолога, администрация, приёмная и ещё несколько зданий – как выражался один татарин, «государство в государстве». Государство, которое живёт по каким-то своим законам, неведомым чужеземцам. **Государство, в котором невозможно не смеяться, но это будет смех сквозь слёзы.** Государство, которое словно сквозь увеличительное стекло показывает русского человека, его красоту и безобразие.

Чтобы попасть в этот мир, нам нужно пройти через приёмную. Там вас спросят, куда вы и к кому – пускают обычно только по записи. **Но не сегодня.**

Сегодня работает вахтёр Игорь Михалыч, за форму подбородка получивший прозвище Игорь Жопа. Сейчас он с большого бодуна и даже ещё не похмелявшийся, так что расценка действует известная: **по пузырю с человека – и проходите куда хотите.** А у нас с вами даже таких маленьких проблем не возникнет – мы же невидимые, в конце концов. Пролетим мимо, а он почувствует лишь лёгкое дуновение ветра и продолжит читать газету.

Пройдя вахту, мы попадаем на территорию больницы. Справа от нас будет вход в двухэтажное здание. На первом этаже находится женское второе отделение, а на втором этаже первое – туда-то мы и отправимся.

1. Взрослые люди

Идеальный пациент на поправку не спешит

Добрый доктор-бизнесмен бодро бабками шуришит

Приходи скорей сюда, всё реально по цене

Подлатаем твой чердак, идеальный пациент

Noize MC, 7-й раунд 17-го Независимого баттла hip-hop.ru, 2020

Главврач первого отделения Игорь Николаевич Мышкин мало чем походил на своего знаменитого однофамильца, однако идиотом его в первом отделении не называл только ленивый. И бывали свои поводы, конечно, но в целом главная тому причина – банальная человеческая слепота и недалёковидность. Разве может быть идиотом человек, заработавший за пять лет работы психиатром больше двадцати миллионов рублей? И об этом до сих пор почти никто не знает. Кроме нас, естественно. Мы ведь всевидящее око, от нас ничего не скроешь, и не обманут нас его вечные жалобы на маленькую зарплату; не проведёт он нас общественным транспортом и дешёвеньким телефоном без камеры, когда у него дома лежит несколько моделей последнего айфона, а у подъезда стоит новая Toyota RAV4.

Вы спросите: а как, собственно, с зарплатой врача можно так подняться? А я не отвечу; просто тихонечко прошмыгну вместе с вами через замочную скважину в его кабинет, и мы вместе послушаем, о чём там говорится.

Мы увидим достаточно тучного плешивого доктора в потрёпанном пиджаке. Он сидит на кресле перед компьютером и внимательно слушает пришедшую к нему тощую женщину лет сорока:

– Добрый день, Игорь Николаевич, – слегка заикаясь, говорит она и протягивает ему непрозрачный пакет с бутылкой элитного алкоголя. – Меня зовут Елена Аркадьевна. Мне вас очень порекомендовали как... **Очень опытного и хорошего специалиста**, – женщина затягивает паузу. – У меня к вам есть один деликатный вопрос...

– Слушаю, Елена Аркадьевна, внимательно слушаю, – Мышкин отрывает спину от кресла и кладёт руки на стол. В глазах у него загорается огонёк – дело пахнет деньгами.

– Как бы вам так сказать... У меня есть брат... Знаете, даже неловко о таком говорить, просто...

– Не стесняйтесь, Елена Аркадьевна. Мы же с вами взрослые люди.

– В общем, мой брат Миша в последнее время очень плох стал. Но я не знаю, как вам это объяснить.

– У вас с ним недопонимание?

– Да. При этом очень серьёзное. Нам от нашей матери, царствие ей небесное, – женщина перекрестилась – досталась квартира. Я хочу её продать, а он – ни в какую. Он пьёт и ведёт разгульный образ жизни, так и не завёл семью... Мне кажется, он очень нездоров. Игорь Николаевич, мне так тяжело об этом говорить... – женщина уткнулась взглядом в пол.

– Ничего страшного, Елена Аркадьевна. Мы же с вами взрослые люди. Я всё понимаю. У вас возникли разногласия с братом, вы хотите продать квартиру, а он отказывается. Правильно?

– Да, Игорь Николаевич...

– Хорошо, тогда у меня к вам будет несколько вопросов, – перебил её Мышкин. – Первое. Сколько стоит квартира и какая часть её принадлежит Вам?

– Около полутора миллионов рублей. Нам с Мишей принадлежат по пятьдесят процентов.

– По семьсот пятьдесят тысяч рублей, я понял. Вопрос номер два: состоит ли ваш брат на учёте у психиатра и обращался ли когда-нибудь за психиатрической помощью?

– Дело в том, Игорь Николаевич, что нет...

– Плохо, очень плохо, – сказал Мышкин. – Есть ли у него хоть какие-то задокументированные предпосылки для госпитализации? Может, в детстве была травма или что-то в этом роде? Подумайте, Елена Аркадьевна, подумайте очень хорошо. Если вы хотите оставить Вашего брата здесь на, кхм-кхм, очень длительный срок, от этого зависит... Скажем так, цена услуг госпитализации. И с дееспособностью что-то решать надо будет. Вам достанутся те же пятьдесят процентов, а **остальные пятьдесят уйдут на лечение вашего брата**. Понимаете? Чтобы в дальнейшем с ним не было никаких недоразумений.

– Да, понимаю... – виновато ответила женщина. – И что же мне делать, Игорь Николаевич?

– Я позвоню человеку, который этим занимается, – соврал Мышкин (на самом деле этим занимается именно он). – И... Если нам дадут добро, то вы принесёте сюда ксерокопию паспорта вашего брата, его медицинский полис и документы на квартиру.

– Спасибо вам, Игорь Николаевич. Вы такой понимающий человек, – сказала женщина.

– Вам спасибо, Елена Аркадьевна.

– Я могу идти?

– Да.

– Господи прости... – женщина вдруг пустила слезу. – Что же я делаю... Прости меня господи!

– Не нервничайте вы так, Елена Аркадьевна. Господь простит Вас.

Но она вдруг разревелась:

– Господи, что же я делаю, что же я делаю... Простите меня, Игорь Николаевич, но я передумала, не хочу так с моим Мишей, он же мой брат...

– Конечно же он ваш брат, Елена Аркадьевна. **И поэтому вы должны о нем позаботиться**. Ведь ему так будет лучше, понимаете? Здесь за ним будут следить...

– Он ведь никогда не выйдет! Если бы наш отец видел, что я делаю, боже, папа, если ты видишь меня сейчас... – она снова перекрестилась и зарыдала ещё сильнее – Игорь Николаевич, я...

– Елена Аркадьевна, успокойтесь. **Я вас прекрасно понимаю**. Порой тяжело поступать с людьми так, как они этого заслуживают, особенно если это наши близкие...

– Но он не заслуживает такого! – женщина встала – Он мой брат! Не смейте меня подстрекать на такой грех! – и она опять заплакала.

– Елена Аркадьевна, ну что вы... Да, это тяжело. Но вы ведь приняли такое решение. Да, непросто. **Да, это можно осудить, но время такое. Кому сейчас легко?** Знаете, я вас совсем не осуждаю. Совсем. Если между нами... То у меня тоже был брат. – задумался Мышкин – двоюродный. И там была похожая ситуация с недвижимостью. И вот... – он изобразил стеснение – Если бы я не сделал того, что я сделал, то...

Он сделал паузу.

– То что, Игорь Николаевич?

– То у меня сейчас не было бы всего того, что у меня есть. Я не стал бы практикующим врачом. А сейчас у меня врачебная деятельность и доля в бизнесе... Но это между нами, Елена Аркадьевна. Я же вижу, что вам можно доверять. Это был мой шанс, и я этим воспользовался.

– А что случилось с вашим братом?

– Нууу, с ним всё хорошо. Получил направление в интернат и остался доволен. Там у него даже выход свободный. Он даже благодарен мне.

– А вы сможете сделать так, чтобы мой Миша тоже как-то... – женщина выбирала слова – Хорошо себя чувствовал? Сможете?

– Конечно, смогу, Елена Аркадьевна. Только вам надо принять решение в течение двух недель, потому что потом там важные люди в отпуск уходят и это будет куда дороже...

– А насколько? – насторожилась Елена Аркадьевна

– Ну-у, вместо пятидесяти процентов вам достанется в лучшем случае тридцать. Так что поспешите.

– Хорошо... – и она вдруг опять заплакала и перекрестилась – Господи-боже, что же я делаю!

– Не переживайте вы так, Елена Аркадьевна, всё в порядке, я вас прекрасно понимаю.

Мы же взрослые люди.

Женщина ещё немного поплакала, поблагодарила Игоря Николаевича и удалилась. Проводив её до выхода, он ухмыльнулся. Естественно, эта история с братом была выдумкой. Конечно же, ни через какие две недели ничего не поменяется – вся эта схема была отточена до мелочей и интонаций. Ещё раз ухмыльнувшись, Игорь Николаевич открыл ежедневник, написал на последней странице карандашом «+750», закрыл его и положил в стол, а потом продолжил искать себе молодую любовницу в Тиндере.

2. Раздача лекарств

*Коридор с палатами, абсолютно все комнаты без дверей
Из проёмов выглядывают люди, большие похожие на зверей
По-настоящему больных здесь примерно три туши
Все остальные это уголовники и призывники, что стало понятно тут же*
МБ Пакет. «Две недели в дурке», 2015

На этой минорной ноте мы покинем ординаторскую. За следующей дверью находится процедурный кабинет, и оттуда слышны прерывистые женские стоны – это один из больных сношается с пьяной санитаркой Вероникой Николаевной. У них есть время только пока идёт раздача лекарств, но пациенту обычно хватает и пяти минут. А санитарка довольна в любом случае – она немолода и непривлекательна, другого секса у неё не бывает.

Пройдём дальше до конца первого коридора. Больным сюда обычно без сопровождения нельзя – эта территория исключительно для персонала. Среди принудчиков она имеет тривиальное название «тот продол». Видите эту белую дверь с облезшей краской? За ней и начинается аномальная зона, и прямо сейчас там раздают таблетки.

Длинный просторный коридор. Семь палат без дверей, из некоторых выглядывают безумные лица. В начале коридора на кресле, аки на троне, восседает плотного сложения лысый медбрат Пал Палыч – сегодня он старший по смене. Пока у Палыча блестят только линзы его очков, но это пока. После некоторых инцидентов его проверяют на трезвость медсёстры на приёмке, поэтому он приходит в больницу трезвый, а синячит уже у себя в отделении. Но об этом ещё будет много сказано позже. Сейчас Пал Палыч трезв, и оттого крайне зол.

1. Раздача лекарств.

Перед ним прямо на полу лежит Макака – полоумный пациент с придурковатой рожей и несколькими оставшимися зубами в кривой ухмылке. Ему 35 лет, он эпилептик и олигофрен, остановившийся в умственном развитии в возрасте десяти лет. Это его личный бунт – ему не дали сорвать розу на прогулочном дворике.

– Нахуя ты розу опять сорвал, гандон? – ругается Палыч.

– А я Барашкиной падаю, ана мне будет манэт делатт!!! **Я ей цветок покажу, а она будет писун сасат!!** – говорит Макака и улыбается в свои два с половиной зуба.

Речь о Наталье Филипповне Барашкиной – старшей медсестре, достаточно красивой женщине. Всё больные начинают громко смеяться с очередной фразы Макаки. Палыч хотел было встать и пару раз пнуть надоедливую больную – он часто так делает – но недостаток алкоголя в крови делает его ленивым, и оттого раздача лекарств идёт своим чередом.

– Волуйский! – восклицает Палыч.

– Галоперидол две пятёрки, циклодол, азалептин половинка, – монотонно бормочет сидящая рядом медсестра Леночка.

– Без циклодола обойдётся. Где этот Волуйский, блять? – злится медбрат. – Гондон ебанный.

– Я не гондон! – слышится из шестой палаты.

– А ну сюда дуй, блять, а то привяжем нахуй. – отрезает Палыч.

Волуйский берёт таблетки и поворачивается к санитарке тёте Рае – она сегодня следит, чтобы больные добросовестно пили свои лекарства. Он открывает рот, Рая проводит пальцем под нижней и над верхней губами, кивает головой, и Волуйский уходит.

– Майсян! – той же интонацией бормочет Леночка.

– Масяня! – вторит Палыч.

– Галоперидол две пятёрки, циклодол, карбамазепин, неуплепил.

Майсян приходит, кидает таблетки в рот, запивает, поворачивается к тёте Рае. Та тщательно проверяет его, засовывая пальцы прямо в рот, без перчаток. Стерильность? Не, не слышали.

– **Спрятал, Масяня спрятал!** – ликует толстая и неуклюжая санитарка Рая, вытаскивая изо рта у Майсяна таблетку. – Спрятал!

– Ах ты чуркистанский пидарас! Кусок дерьма! – кричит Палыч, встаёт и идёт по направлению к Масяне. Тот дрожит.

– Дядь Паш, ну не надо, ну пожалуйста, дядь Паш, ну не на...

Далее следует удар поддых, за ним ещё один. Майсян погибает, начинает задыхаться и плакать.

– На вязки этого чмошника. – командует Палыч.

Из первой палаты идут местные быки-принудчики. Вязать кого-то по приказу начальства не очень по понятиям, но ради общей положухи пацаны закрывают на это глаза. Масяню кладут на кровать. Пока главный местный уголовник Стас держит орущего Масяню, двое других привязывают его к койке. Делается это вязками – длинными толстыми верёвками, похожими на бинты. Одна вязка на две ноги, по одной на каждую руку, и в особых случаях четвёртая проводится под мышками – это делается для того, чтобы больной не мог даже сидеть. Как правило, привязывают на три, а четвёртой вязкой потом угрожают, если привязанный больной плохо себя ведёт и шумит. Часто это помогает – быть полностью прификсированным к койке крайне неприятно.

– Титов! – бормочет Леночка.

– **Ебёт котов!** – доносится крик из палаты.

По отделению прошла волна смеха. Палыч не обратил внимания.

– Аминтриптилин, три полторашки галоперидола, оланзапин...

– Гришковец! – говорит Палыч

– **Ебёт овец!** – опять слышно из палаты.

Волна смеха становится неуправляемой, в шестой палате кто-то бьётся в истерике. Палыч молчит.

– Кульбак!

– **Ебёт собак!** – раздаётся крик.

Уровень смеха превышает все допустимые пределы. Палыч пытается назвать чью-то фамилию, но из-за дикого гогота его никто не слышит. Он встаёт и орёт на всё отделение:

– Кто это там такой умный, щас я приду и сам выебу!

Смех ненадолго замолкает. Совсем ненадолго.

– Кучин! – говорит Леночка.

– Чуча, сюда пиздуй, – злобно отвечает Палыч.

Серёжа Кучин – сифилитик с гниющим изнутри мозгом. Такое называется нейросифилис, и это очень страшно. Когда-то он был героиновым наркоманом и сам помышлял наркоторговлей. Подцепив Купидонову болезнь, Чуча начал сходить с ума, а когда сифилис проник в мозг, он потерял последние остатки разума.

Заиграла музыка из фильма «Бумер». Палыч достал телефон.

– Чуча, мне тут твой брат письмо написал, – усмехнулся Палыч.

– Правда, правда, правда? – Кучин словно ожил. – Что он написал?

– **Он написал, что ты ПИДАРАС!** – закричал Палыч и засмеялся над собственной шуткой.

Впрочем, смеялся не он один – хохот в отделении стоял такой, что слышно было и за его пределами. Коля Чайкин, молодой эпилептик, от смеха начал биться головой об стену.

– **ТЫ БРЕХЛО!!!** – заревел Чуча на всё отделение – **ЭТО БРЕХНЯ!!!** – Чуча встал, топнул ногой по полу. – **ТЫ БРЕХЛО!!!**

– Заткнись нахуй! – подключается Леночка.

– **НЕНАВИЖУ ВАС!!! ВСЕ ПИДАРАСЫ!!!** – орёт Чуча. – **ПИДАРАСЫ!**

Палыч встаёт и грозной походкой направляется к Кучину.

– Что ты сказал?

– Ничего, ничего! – испуганно попятился назад Чуча.

– Все пидарасы? – Палыч с оскалом садиста шёл в сторону Чучи.

– **ВСЕ КРОМЕ ТЕБЯ!! КРОМЕ ТЕБЯ!! ИЗВИНИ ПОЖАЛУЙСТА!!**

Палыч садится, но Чуча сразу же продолжает старую песню:

– **НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!!** – орёт он. – Вы все пидарасы! **ПИДАРАСЫ ВСЕ!!!**

Палыч встаёт.

– Извини пожалуйста, я больше не буду! – Чуча вновь переходит с крика на жалобный голосок.

Палыч садится.

– **НЕНАВИЖУ ТЕБЯ, УРОД ТЫ КОНЧЕННЫЙ, БРЕХЛО!!! МОЙ БРАТ ТЕБЕ ЕБАЛО НАБЬЁТ!!! ВЫ ВСЕ ПИДАРАСЫ!**

Палыч встаёт.

– Извини пожалуйста!

На сей раз не действует. Медбрат размеренным шагом идёт в сторону Чучи. Пациенты вылезают из палат, чтобы посмотреть на сие действие. Злобный Пал Палыч берёт в руку швабру, так кстати оказавшуюся под рукой, и начинает лупить Чучу. Тот дико вопит и убегает; из его штангин выпадает говно, и за ним остаётся коричневый шлейф.

– **НЕНАВИЖУ ВАС!!! УРОДЫ ВЫ КОНЧЕННЫЕ, ПИЗДА ВАМ ВСЕМ ОТ МОЕГО БРАТА! ВСЕХ УБЬЮ!!!**

Палыч гонится за ним и лупит его по спине шваброй. Едва не поскользнувшись на куске дерьма, он оставляет эту затею. К эстафете подключаются другие больные, и роль эстафетной палочки сегодня играет швабра.

– **ПИДАРАСЫ ВСЁ!!!** – орёт Чуча, убегая от обидчиков – **НЕНАВИЖУ ВАС!!!**

Но они не отстают. Подобное поведение только пробуждает садистские наклонности в других больных, и даже не склонные к насилию люди подключаются ко всеобщему безумию, руководствуясь стадным инстинктом. Преследование продолжается ещё около десяти минут, потом раздача лекарств заканчивается. Чучу ведут купать, включается телевизор с МУЗ-ТВ,

следы жизнедеятельности с пола быстро вымывают – и жизнь в отделении продолжается, как ни в чем не бывало. **Здесь такое никого не шокирует.**

3. Туалет. Лысый и Хрюша

Здесь злыми языками власти анал зализан,

Здесь околофутбол гуляет около национал-социализма.

Дядя Женя. Финал 8-го Официального баттла hip-hop.ru, 2008

И всё-таки Россия – удивительная страна. Футбольные фанаты у нас почти обязательно придерживаются радикальных взглядов; шансон – изначально французская эстрадная песня – у нас является музыкой в основном на уголовную тематику. **Так и постсоветская психиатрия, подобно шансону, тоже насквозь пронизана уголовщиной.**

Жёлтый билет в России всегда был популярным способом уйти от проблем. Совершил ты преступление, залез в долги или просто хочешь откосить от армии – добро пожаловать. **С дурака-то чего спрашивать?**

Так получилось, что в первом отделении в настоящее время из восьмидесяти больных двадцать шесть – почти треть – лежат на принудительном лечении по решению суда, освобождённые от уголовной ответственности. Кто-то косит, кто-то действительно болеет – у всех ситуации разные. Однако есть здесь некоторая закономерность. Люди, стремящиеся избежать наказания, всячески это отрицают и говорят, что они болеют. А те, кто болеет, зачастую стыдятся этого и говорят, что косят. Сейчас в местном туалете мы познакомимся с представителями этих двух разных классов.

Открывается дверь.

Нигде на свете днём с огнём не сыскать такого грязного и убитого туалета, как в российском дурдоме. Справа перед вами три дырки в полу, одна из них полна до краёв. В течение часа кто-нибудь однозначно нажмёт на кнопку смыва, после чего нечистоты перельются через край и зальют весь пол – по этой причине в туалете всегда стоит быть осторожным.

С другой стороны – слева от нас – расположены три раковины. Ближнюю к нам местные уголовники называют «мужицкой» или «порядочной», всячески отгоняя от неё всех кроме своего круга, остальными же раковинами порядочному «арестанту» пользоваться не положено – это так называемые «фаршманутые» раковины. Однако, экскременты чаще всего появляются именно в первой – назло уголовникам, и, возможно, даже кем-то из них, не зря же мы в аномальной зоне. Поймать за руку или хотя бы примерно вычислить таинственного пакостника до сих пор не удалось.

В углу туалета, смотря в окно, одиноко курит худошавый паренёк в одних трусах по прозвищу Лысый. Лысому сорок два года, это его десятая принудка – поймали в подъезде с пакетом какого-то синтетического наркотика. Неисправимый наркоман, ВИЧ-положительный, с гепатитом и прочими радостями, которые его совершенно не беспокоят. Как-то раз один шизик его спросил:

– Слушай, Лысый, а если бы ты поймал джинна в бутылке и у тебя было бы три желания, что бы ты попросил?

– Флакон тропэна, баян солямбы и проститутку! – ответил Лысый.

Проститутки – отдельная страсть Лысого. Когда ему в руки достаётся чей-то телефон, он открывает сайт «**Проститутки N-горска**» и листает его часами, не отвываясь.

– Лысый, тебе ещё года два тут лежать, чё ты там забыл? – спросите его вы.

– А я хочу, чтобы у меня сразу по выходу номер был. Не заезжая домой, сразу за баянами и к индивидуалке.

– Так номера же поменяются все?

– А я много запишу...

Назовите любое женское имя – Лысый назовёт вам адреса минимум двух проституток, которых так зовут. Назовите любое мужское – наверняка найдётся такой сутенёр или барыга.

Лысый никогда не упускает возможности упороться. Колет всё, даже раскрошенные таблетки и чужие смывки. Наполняет водой использованные шприцы, пустые пакеты от всякой дряни и потом гонит это по своим венам. Однажды после того, как Лысый двинулся водичкой из-под пустого пакета курительной смеси, который достал из мусорного ведра, ему стало очень плохо:

– Мне холодно, накройте меня вторым одеялом!

Накрыли.

– Мне очень холодно, накройте меня третьим одеялом!

Накрыли.

– Мне всё равно холодно, накройте меня четвёртым одеялом!

Четвёртого одеяла не нашли.

– Накройте хотя бы матрасом!

Накрыли матрасом.

– Мне холодно, накройте вторым!

Короче, накрыли Лысого двумя матрасами. Ребята с разных палат собрались, чтобы посмотреть на это чудо и посмеяться. А Лысый кричал:

– Дайте мне сигарету, я умираю! Дайте покурить перед смертью!

Один добрый человек дал ему сигарету, второй дал ещё одну. Но умирал Лысый очень долго, и в конце концов сигареты ему давать перестали. Тогда он просил разбудить Варганчика с пятой палаты – своего старого товарища. Сказал, что хочет попрощаться перед смертью. Но Варгану каждый день давали лошадиную дозу снотворного – его просто не могли поднять с кровати. Лысому сообщили об этом. Тот сказал «попросите у него одну сигарету, скажите, что я умираю», и в итоге Варганчик в полусне передал Лысому сигарету. Но тому не хватило.

– Давай уже умирай скорее, ты всех заебал уже! – пошутил Фарик.

Но Лысый не умирал. Он курил сигарету, высовывая голову из матрасного сэндвича, и умолял:

– Пацаны, ну у вас же осталось там немного на завтра, я же знаю. **Дайте мне поставиться и умереть спокойно!** Родные мои, ну хотя бы чуть-чуть, хотя бы децл...

В конце концов его оставили одного лежать в этом бутерброде до самого утра. Он, к счастью или сожалению, остался жив, и на следующий день снова укололся смывками. Но давайте пока вернёмся в туалет.

Вокруг Лысого столпились, словно зомби, одурманенные никотиновым голодом пациенты. Каждый хочет докурить за ним бычок. Следующую сцену можно было бы назвать «**10 поводов оставить покурить**».

– Оставь покурить, ну оставь покурить! – Промямлил бомжеватого вида шизик по прозвищу Горшок.

– Не оставлю! – отрезал Лысый.

– Ну оставь, когда выкидывать будешь!

– Пошёл нахуй! – не меняя интонации, ответил Лысый.

– Ну оставь буквы почитать! – не угоманивался Горшок.

Под этим нехитрым выражением подразумевалась двухмиллиметровая часть сигареты с надписью «донской табак».

– Ты уже на целую библиотеку прочитал!

– Оставь, я ж тебе оставлял!

– Не пизди, не оставлял ты мне никогда!

– Ну буду оставлять!

– Ты чё, охуел, я буду после тебя, фаршмака, курить? – возмутился Лысый.

– Ну оставь, тебе это на небесах зачтётся!

– Я не верю в бога.

– А он есть! – выкрикнул из толпы горбатый Попёнок – во славу Отца, Сына и Святого Духа, оставь покурить этому рабу божьему, а он оставит мне!

– Я тебе не оставлю! – возмутился Горшок.

– Да, не оставишь, потому что и тебе никто не оставит, пёс ты помойный, – усмехнулся Лысый. – Чего вы столпились? Кина не будет!

– Ну оставь, ну оставь, ну оставь! – загалдела толпа.

И тут в туалет заходит Хрюша.

Хрюша как раз принадлежит ко второй категории принудчиков – к тем, кто действительно болеет и стыдится этого. У него принудительное лечение по 322-й статье – незаконно пересёк границу России с Украиной. Сам Хрюша утверждает, что он закосил от тюрьмы, а на деле по уголовной линии ему светило условное наказание, но по причине жёлтой справки Поросёнка – так его ещё называют – направили на полгода в больничку. Будь он здоров – был бы на свободе и отделался штрафом.

Хрюша – тот ещё экспонат. Ему 35 лет, ростом он около ста шестидесяти сантиметров, а весит 115 кг, отчего его лицо напоминает раскормленное свиное рыло. Нигде никогда не работал, но утверждает, что он «**Частный предприниматель Мирончук**» с зарплатой два миллиона гривен в месяц. Не единожды лежал в украинских дурдомах, но всячески это отрицает. Никотиновая зависимость на высочайшем уровне – без сигарет не может в принципе – но через границу к нему, естественно, никто не ездит, а полы мыть или как-то иначе работать за сигареты ему лень, поэтому он ограничивается массажем за бычок и ещё кое-чем. Сами сейчас увидите.

– Ах ты мой толстый поросёночек, свинюшечка моя, иди ко мне! Вот кому я оставлю покурить.

– Правда? Я хочу курить! – возрадовался Хрюша.

– Повторяй: «Хрюша хочет покурить», – начал Лысый.

– Хрюша хочет покурить, – вторил Хрюша.

– «Маленький поросёночек хочет пососать бычок».

– **Маленький поросёночек хочет пососать бычок**, – Хрюша повторял за ним, словно робот.

– Очень хочет?

– Да, хозяин, – отвечает пресловутый предприниматель. – Твой поросёночек очень хочет пососать бычок. Оставь покурить маленькой Хрюше.

Лысый подходит к нему сзади.

– Давай сюда свои поросячьи копытца!

Хрюша послушно даёт Лысому свои руки.

– Ух, какая сочная свининка, какие толстенькие пальчики-колбасочки! – восторгается Лысый.

Потом берёт его за предплечья и начинает хлопать его ладонями у него над головой – «хлоп-хлоп-хлоп-хлоп!»

– Повторяй за мной: «Я плавниками ебашу».

– Я плавниками ебашу.

хлоп-хлоп-хлоп-хлоп

– «Они у меня слишком обширные!», – громко и с выражением говорит Лысый.

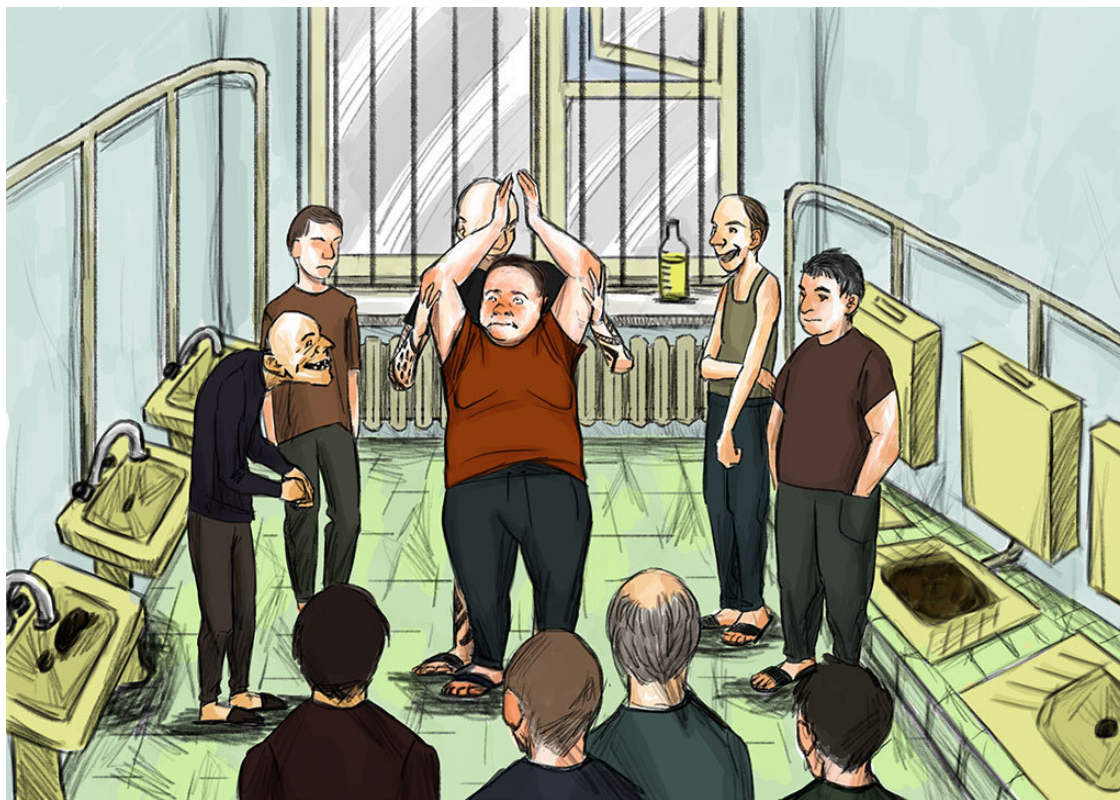
– Они у меня слишком обширные, – монотонно вторит Поросёнок.

хлоп-хлоп-хлоп-хлоп

– «Предупреждаю: могу задеть!».

– Предупреждаю, могу задеть.

хлоп-хлоп-хлоп-хлоп

2. Хрюша ебашит плавниками

Лысый отпускает руки. Хрюша с жадной улыбкой смотрит на дымящуюся сигарету в его руке.

– Поросёночек заработал бычок?

– Нет. – ухмыльнулся Лысый.

– Ну почему? – спросил Хрюша и тут же завыл: – **НУ ПОЧЕМУУУУУУУУ???**

– Не старался. Тихо и без выражения. А надо громко и с выражением! Как в театре, понял, свинья?

– **Я КУРИИИИИИТЬ ХОЧУУУУ!** – завыл Хрюша на всё отделение.

– Ладно. Сжалюсь над тобой. Ударь вон того по голове, – Лысый показал пальцем на трясущегося над туалетной дыркой деда, пытающегося справиться большую нужду.

Хрюша послушно подошёл и ударил деда. Но дед был не промах – в советское время занимался боксом. Он трясущейся рукой врезал Хрюше по голове. Тот остолбенел, после чего дед взял мусорное ведро, полное использованной туалетной бумаги и памперсов, и надел Хрюше на голову. На пол посыпался мусор. На грохот и всеобщий смех пришла огромных размеров грозная медсестра Жанна Ивановна по прозвищу Жаба.

– **ЧТО ЗА ХУЙНЯ ЭТО ТУТ ПРОИСХОДИТ?** – грозно проорала Жаба Ивановна. – **КТО ОПРОКИНУЛ ВЕДРО?**

– Это всё Хрюша! – хором закричала толпа.

– Неправда! – закричал Хрюша. – Это всё дед!

Но Хрюшу никто не слушал.

– **МИРОНЧУК, ШАГОМ МАРШ В НАБЛЮДАТЕЛЬНУЮ ПАЛАТУ!** – заорала Жаба Ивановна.

– Но это не я! – воспротивился было Хрюша.

– **НА ВЯЗКИ ЕГО, ЧТОБЫ НЕ ПИЗДЕЛ!** – опять заорала на всё отделение Жаба.

4. Единичка

Первую палату, находящуюся сразу слева от поста, также иногда называют второй наблюдательной, но это не совсем так. Сюда кладут относительно здоровых новоприбывших, по тем или иным причинам оказавшихся в больнице, а также принудчиков, за которыми нужен глаз да глаз. И среди них немалую долю составляют наркоманы. У кого-то от наркоты поехала крыша, кто-то избегает тюрьмы – а часто и то, и другое. Сегодня ребята из первой палаты размышляют над тем, как и где достать. **И сейчас мы вас с ними познакомим.**

В палате восемь мест – четыре слева от входа и четыре справа. Те, что справа, лучше просматриваются с поста.

Сразу слева от нас лежит, смотря сквозь чёлку в потолок, Максим Малинин – допризывник, косящий от армии. Он в ужасе от окружающей его обстановки. Ему хочется поскорее вернуться домой и включить любимое аниме, но лежать ему здесь ещё целую неделю. На глаза так и наворачиваются слёзы от тоски, одиночества и враждебной обстановки. Над Максимкой часто подшучивают местные уголовники, и его это ещё больше угнетает.

– В натуре как пидор! – крикнул Стас. – Если б ты с такой чёлкой на малолетку заехал, сразу бы выебли.

– **Аниме ещё смотрит, ну я ебу!** – поддержал его Фарик. – Новое поколение долбоебов. А ты ноги не бреешь часом?

Максим молчит в ответ, еле сдерживая слёзы. Но тут потерпеть всего недельку, а в армии целый год, так что ладно – можно и помолчать.

Справа от него лежит алкоголик Зёма. Ему под полтинник, и его мать периодически кладёт его сюда на капельницы. Он пропил всё – квартиру, машину, семейные драгоценности. Потерял семью – жена дала развод, дети не хотят с ним общаться. Но Зёма не унимается и продолжает пить до зелёных чёртиков. Порой словит белочку, встанет посреди ночи и заорёт «РОТА ПОДЪЁМ!», или начнёт прятаться под кроватью от злых вооружённых преследователей. По-хорошему место Зёме в наблюдательной палате, однако платят за него хорошо, и это «хорошо» не позволяет Игорю Николаевичу положить Зёму в седьмую.

Справа от Зёмы лежит уже известный вам Лысый. Вообще он очень долгое время лежал во второй палате, но когда его в очередной раз поймали со шприцем в руке, это быстро изменилось. Ему тогда собирались даже снять принудку, но, увы, Игорь Николаевич наркоманов не любит, и потому направил в суд документы на продление принудительного лечения.

На угловой кровати лежит огромная жирная туша с полулысой головой – это тридцатипятилетний Стас Барлеев, в уголовных кругах когда-то известный как Стасик Добрый. Однако, добрым он не был – как раз наоборот. Стасик отбывает принудительное лечение за изнасилование, что крайне непочётно, но, как говорит он сам, всё было по обоюдному – «просто тёлка денег захотела». А так как подобное действительно часто случается, предъявить ему что-то без серьёзных оснований и доказательств никто не имеет права. Стас из своих тридцати пяти двенадцать провел за решёткой, в копилке сроки за разбойные нападения, наркотики, изнасилование. В уголовной среде имеет некоторое уважение, которое, однако, очень многими авторитетными людьми ставится под вопрос. Находясь в исправительной колонии, он в возрасте 25 лет принял ислам. Но набожным он не был – просто крутился среди блатных мусульман и сделал это, чтобы заслужить их доверие. За Стаса Игорь Николаевич получает кругленькую сумму, и поэтому на все его злодеяния по возможности закрывает глаза. Но вы о нём и так чуть позже узнаете.

На другой угловой кровати – дальней от нас – лежит Фархад Мамедов по прозвищу Фара. Ему двадцать шесть, у него за плечами небольшой срок за разбой, сейчас отбывает принудку

за кражу со взломом. Очень злится, когда Стасик называет себя мусульманином. Сильный и волевой человек, однако на наркотики тоже падкий. Увы.

Следующий – Лёша Комаров по прозвищу Комар. Один из тех людей, которые, где бы ни находились, сливаются с обстановкой и привлекают к себе минимум внимания. Среди местной блаюты он вполне сходит за своего, но точно так же дела бы обстояли в офисе, или, скажем, среди работников Макдональдса. Обычный такой парнишка, высокий и худой до безобразия, отбывает принудку за наркотики, так что о его пристрастии к ним мы уже говорить не будем.

Как говорит персонал, принудчики делятся на два типа: бластные и шизофреники. А на дальней койке лежит Герман Тихонов, что являет собой уникальный экспонат. Он уголовник и бластной, но не косит от тюрьмы, а действительно болеет шизофренией, которую у него диагностировали во время армейской службы по контракту. Герман невысокого роста и крепкого телосложения, всегда с короткой стрижкой и холодным пронизывающим взглядом. Попал на принудку, как ни странно, тоже по 228-й статье – его поймали с двумя граммами амфетамина, от которого у Геры мигом съезжает крыша. Тип шизофрении у него эпизодический, и болезнь может долго не проявляться, но если начнётся – последствия могут быть опасными. Примерно так и выглядит гибрид – бластной шизофреник.

И последний гость – Олег Крюков по прозвищу Левый. Во всех без исключения психушках имеет популярность песня Васи Ноггано «Дурка», и в ней есть такие строчки:

*В палатах не было дверей, система welcome
Мои соседи – шизик, торчок и левый
Левый всё время спал в глубокой коме:
Колёса, капельницы, уколы.*

Когда Крюкова привезли в первое отделение, он больше недели пролежал под капельницами, почти не вставая с койки. За что его так и прозвали; спустя время он пришёл в себя и стал активным членом дурдомовского социума, но прозвище прижилось, и он остался Левым на веки вечные.

Во время тихого часа в первой палате начался такой разговор:

– Пацаны, что-то заебало всё, пиздец, – затынул Стасик.

– И не говори, брат, совсем настолебенила эта дыра, – поддержал Комар.

– Чистая дыра, и не говори. **Сейчас бы проститутку, ух!** – начал было Лысый.

– Может, наведём движухи, чтобы картинку поменяло? – перебил его Стасик. – Фара, что скажешь?

Фарик встал с кровати. Все сразу посмотрели на него. В подобных ситуациях без одобрения Фархада почти ничего не происходило, но он, хоть и не был старшим по возрасту, пользовался среди принудчиков наибольшим авторитетом и был единственным человеком, кто мог напрямую влиять на неуправляемого Стаса.

– Чтобы что-то сделать, нужны предпосылки. Не с неба же вы будете всё доставать. Я за любой кипиш, кроме голодовки, пацаны. Но у нас нухуя филок нет. Или у кого есть?

– Ну, могу намутить пару соток, – вмешался Лысый.

– **Сам ставься своим тропэном**, – ответил Фарик. – Нужно мыслить шире.

– Я попробую, – сказал Стасик и достал мобилу. – **Лысого на атас, чтобы труба не пыхнула!**

Лысый послушно встал у дверного проёма.

– Если пыхнет труба, новую поставишь! – рявкнул Добрый.

Лысый молча кивнул. Толку от этого было мало – Жабба Ивановна прекрасно знала все эти приёмы и, увидев Лысого на такой позиции, тут же поняла бы, что происходит что-то подобное.

Телефоны в N-горской больничке запрещены. Некоторые медсёстры закрывали на это глаза, но не все. И Жанна Ивановна как раз была в этом плане исключением.

– **Салам алейкум, брат,** – начал Стасик. – Да, всё в порядке, брат. Да, намаз делаю, брат. Ну, почти всегда, условия же знаешь.

Фарик, услышав эти слова, уткнулся лицом в ладонь.

– Нет, брат, просто хочу узнать, как твоё здоровье. Хорошо, да? Как мама? Да, брат, устал я от этой жизни. Нет, я больше ни-ни в эти дела, брат. Скоро освобожусь, иншалла. Слушай, брат, тут такие дела. Можешь занять кэс? Да, я знаю, что я тебе уже должен, но...

Стасик замолчал. В трубку кто-то громко кричал – это было слышно всем присутствующим.

– **Брат, какие наркотики, эй?** Тут просто помочь надо человеку, в долги влез. Ты что? Да как ты со старшими разговариваешь, я уже больше года ничего не... Брат, да я всё верну! **Нет, послушай меня!**

Но слушать его собеседник дальше не стал. Стасик со злостью кинул телефон в стенку. Это было уже не впервой – телефон этот не раз собирали по частям, но он отчего-то не переставал после этих ударов работать.

– **Вот пидарас!** – крикнул Стас. – Значит, когда ему что-то нужно, я всегда...

– Прекрати, – остановил его Фарик. – Какие там намазы, ты пидоров ебёшь и сало жрёшь тоннами! И как ты смеешь говорить такие слова?

– А ты? А что ты?! – повысил голос Стас.

Это могло бы закончиться дракой – такое между Стасом и Фархадом бывало – но вмешался Комар.

– Хорош, пацаны, хорош! – сказал он. – и так в дерьме живём, не надо ещё друг с другом сражаться. – Комар встал между ними. – это к хорошему не приведёт!

– Правду говорит Комар! – сказал Лысый.

Конфликтующие остыли.

– Дело базарят пацаны, – сказал Стас. – Давай замнём.

– Давай. Не обессудь, брат, я погорячился. Сам не свой становлюсь, когда такие слова говорят впустую. Я же тоже не пример для подражания, за живое задевает, – ответил Фара.

Они по-братски обнялись.

– А давайте позовём Масяню! – подал идею Лысый. Он как раз нам блок сигарет должен. Идею одобрили.

– **МАСЯНЯ!** – рявкнул Стас. – Позовите сюда этого членососа!

В палату, дрожа от страха, зашёл Масяня.

– Ты, пидарас, когда сигареты отдашь? – начал Стас.

– Во вторник папа приедет, вы же знаете, я никогда не...

ХЛЯСЬ!

Масяня получил сильную пощёчину.

– Ты сколько нам должен? – начал Стас.

– Восемь пачек, но я отдам, ещё сникерс, два доширака и пачку майонеза во вторник...

хлясь!

– Какие восемь пачек? – вмешался Фарик. – Проснись, друг! Десять! Целый блок.

– Почему десять, восемь же!

– Ты что, хочешь сказать, что Фара пиздит? Забыл, как ты у нас занимал три сигареты за две пачки? Забыл?

– Нет, я всё во вторник отдам!

– Предлагаю другой вариант, – сказал Стас. – Мутишь мне пятихатку, и мы в расчёте. И ещё сверху чая и сигарет дадим.

– А можно сначала покурить? Я так курить хочу!

Масяне дали сигарету. Он покурил и вернулся из туалета очень довольный.

– Алё, папа, привет! Как дела? Ты смотрел последний матч ПСЖ? Классно они сыграли, да? Но левого полузащитника надо было менять, да. Как там сестра? Как здоровье? Я хорошо. А ты скоро меня заберёшь? Слушай, а ты можешь пятьсот рублей на счёт кинуть? Нет? А почему? Мне ребята сигарет и чая дадут...

– Атас, жаба! – крикнул Лысый. Все разошлись по своим кроватям.

– И ЧТО У НАС МАЙСЯН ДЕЛАЕТ В ПЕРВОЙ ПАЛАТЕ? А НУ БЫСТРО К СЕБЕ!

Масяня побежал в свою палату.

– Наебал, гандон! – крикнул ему вслед Стасик. – Два блока с тебя!

Когда Жанна Ивановна вернулась на своё место, ребята продолжили беседу.

– Облом по всем фронтам, – констатировал Фарик. – А с этого хуесоса мы ещё получим...

– Есть идея! – сказал вдруг Герман. – Всё гениальное просто.

– И что за идея? – все повернулись к Герману.

– Вечером сегодня Жаба уйдёт пить чай. Палыч будет уже в говно, ему будет на всё похуй.

Раю надо будет как-то отвлечь, и тогда я незаметно проникну в процедурный кабинет. Я там видел две конвалюты цикла и две пачки карбита. Может, ещё элки найду пару листов.

– Гениально! – с восторгом произнёс Комар. – Осталось добазариться, кто возьмёт на себя эту старую пизду.

– Жабу чур не я, а так поддерживаю, – одобрительно произнёс Фарик. – Там говна на всех должно хватить!

Довольные своим хитроумным планом, уголовники не знали, что юный допризывник Малинин держал на них злобу за подколки и шутки. Он запоминал каждое слово, и уж никак не был намерен был держать услышанное в тайне...

5. Жаба Ивановна. Тихий час

– *Административный восторг? Не знаю, что такое.*

– *То есть... Vous savez, chez nous... En un mot, поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете взять билет, pour vous montrer son pouvoir. «Дай-ка, дескать, я покажу над тобою мою власть...» И это в них до административного восторга доходит...*

Ф. М. Достоевский. «Бесы», 1872

Есть у нас в России такое явление – впрочем, не только у нас, но у нас особенно. Суть явления в том, что человек, в обществе особой властью не обладающий, и не добившийся в жизни равным счётом ничего, всячески восполняет этот недостаток значимости и самоутверждается за счёт того, кто в рамках ситуации находится от него в некоторой зависимости. Будь то водитель автобуса, кассир или тот же вахтёр – такие люди зачастую будут придирааться к каждой мелочи и всеми возможными способами портить вам жизнь.

Как писал Виктор Пелевин, бывшие работники общественных туалетов делятся на два типа: первые справляют нужду аккуратно, зная, как тяжело приходится уборщикам, а вторые специально оставляют всё в наиболее грязном виде – мол, **мы страдали, страдайте теперь и вы!** Современное российское общество изобилует людьми второго типа.

За столом на посту сидит необъятных размеров женщина лет шестидесяти. У неё три подбородка и два живота. Наверное, если посмотреть на неё сверху, она будет выглядеть как идеальный круг. На носу у неё очки с толстыми линзами, а за ними – глаза-сканеры, пеленгующие пространство на предмет того, к чему можно придраться. Этого человека вы уже знаете.

Это Жаба Ивановна.

Ходит по больничке даже такая шутка, что настоящие жабы обижаются, когда узнают её прозвище. У неё есть много не очень приятных черт. И вот две главные:

1. 90 % времени Жаба не говорит, а орёт, при этом не брезгуя самыми грязными выражениями.

2. Она постоянно закрывает туалет.

Второе не кажется особо страшным, но это только с первого взгляда. Туалет закрывается на замок, ключ лежит у неё. Обычно замок этот вешается только на время раздачи лекарств, но не в Жабину смену. Она всегда найдёт повод повесить этот замочек. Как и сейчас, например.

– Жанна Ивановна, можно в туалет, я очень хочу по-маленькой! – подошёл к ней Лунтик, а вместе с ним ещё несколько шизиков.

– **КАКОЙ ТУАЛЕТ, ВЫ ТАМ ВСЕ ОХУЕЛИ, ЧТО ЛИ, СКОТЫ? ТИХИЙ ЧАС! ЗАШЛИ В СВОИ ПАЛАТЫ!** – рявкнула Жаба. От этого крика проснулось пол-отделения.

– Ну пожалуйста, я не могу больше терпеть! – умолял Лунтик.

Жаба сделала свой любимый трюк – ударила кулаком по столу с таким грохотом, что проснулись даже люди из дальних палат.

ШАРАХ!

– **ТУАЛЕТ ЗАКРЫТ!** – заорала Жаба ещё громче. – **ВСЕ ЗАШЛИ ПО СВОИМ ПАЛАТАМ! ПО ПАЛАТАМ, Я СКАЗАЛА!**

– Ну пожалуйста, Жанна Ива...

ШАРАХ!

– **Я ЖДУ!** – заорала Жаба.

И после этого начинается самое интересное. Шизики, поняв, что посещение туалета им не светит, собираются у мусорного ведра посреди коридора и начинают справлять нужду прямо туда. Ведро оказывается дырявым, и моча растекается по всему коридору.

– **ДА ВЫ ОХУЕЛИ?!** – заорала Жаба. – **СЕЙЧАС ВСЕХ НАХУЙ В СЕДЬМОЙ ПРИЕБАШУ, СУКИ!!! РАЗБЕЖАЛИСЬ ПО ПАЛАТАМ!**

ШАРАХ!

– **Я ЖДУ!** Смирнов, Богатыренко, вы первые на вязки. **СМИРНОВ!!!**

Шизофреник Смирнов, не успевая натянуть штаны, в панике даёт дёру от ведра, но наступает на собственную штанину и падает в лужу мочи, забрызгав всех стоящих рядом. Больные на него накидываются и избивают. Жаба смотрит на это с каменным лицом, после чего командует:

– **СМИРНОВ, НА ВЯЗКИ В НАБЛЮДАТЕЛЬНУЮ ПАЛАТУ!**

Под всеобщий смех Смирнова, полностью мокрого, ведут в седьмую палату. Казалось бы, все утихло, но тут в ситуацию вмешивается самый старый обитатель больницы – семидесятипятилетний дед Вова Стрельбун – тот самый, что надел Хрюше ведро на голову.

Дед Стрельбун был настоящим ветераном N-горской психушки. Ему было плевать абсолютно на всё – что есть, в какой палате лежать, чьи вопли слушать, какие лекарства получать – ничего не имело значения. Раз в неделю к нему приезжала сестра, привозя ему скромнейшую передачку всегда одного и того же содержания: пачка газет и блок сигарет «прима». Последними он никогда ни с кем никогда не делился.

– Дядь Вов, дайте сигарету... – жалобно проскулил как-то Масяня.

– Шшигарету? – прошепелявил Стрельбун.

Потом снял штаны, вывалил на всеобщее обозрение своё достоинство и закричал:

– **ДЕРЖИ ШШИГАРЕТУ! Шошательную! Жа обе щеки! С красным фильтром! Будешь курить?**

В общем, он клал эту свою сигарету на всё и на всех, и поэтому, невзирая на крики Жаб, подошёл к туалету и дёрнул за ручку. На двери висел замок – она не поддавалась.

ШАРАХ!

– **ТУАЛЕТ ЗАКРЫТ!** – словно робот, в третий раз орёт Жаба.

– Жакрыт? А куда мне шрать тогда, а? А? – С некоторым напором в голосе спрашивает Стрельбун.

– **НЕ МОЯ ПРОБЛЕМА!**

– Не ваша? **ГДЕ ГОВНО, ТАМ И ПАРАША!** – крикнул непокорный дед.

После этого он сел на корточки и под всеобщие аплодисменты справил большую нужду прямо у закрытой двери туалета.

ШАРАХ!

– **СТРЕЛЬБУН!** – заорала Жаба. – **В СЕДЬМУЮ ПАЛАТУ!**

Дед, натянув штаны, послушно побрёл в наблюдательную. Ему по барабану было, где лежать. А Жанна Ивановна через пару минут открыла туалет – её желание самоутвердиться было удовлетворено. Популярно мнение, что Жаба после смерти попадёт в ад, и в аду туалет будет всё время закрыт.

Вообще она нередко выдаёт фразы, которые потом передаются из уст в уста. Например, такое.

– **МОСКАЛЁВ, КУДА В ШЕСТУЮ?** – негромко сказала Жаба принудчику, которого незадолго перевели в седьмую наблюдательную – **ТВОЙ НОМЕР КВАРТИРЫ СЕМЬ!!!**

Или:

– **Я ТЕБЯ НА ЧЕТЫРЕ ВЯЗКИ ПРИЕБАШУ ТАК, ЧТО ТЫ МАТЬ РОДНУЮ ЗАБУДЕШЬ, ПОНЯЛ, СУКА? Я ТЕБЯ ПРИЕБАШУ К ЧЕРТЯМ СОБАЧЬИМ, УБЛЮДИНА!**

Или:

– Я ТЕБЕ БУЛКИ ТАК ГАЛОПЕРИДОЛОМ НАШПИГУЮ, ЧТО ВСЯ ЖОПА ТРЕЩАТЬ БУДЕТ ОТ УКОЛОВ, СУКА!

Или самое горячее:

– Наташа, ну накорми меня, пожалуйста! Я же помогал палату убирать, – жалобно сказал санитарке один немолодой шизофреник.

– Всё уже съели давно, чем же мне тебя накормить?

– Ну хотя бы грудью! – в шутку произнёс тот.

Кто-то тихонько засмеялся. И тут как гром среди ясного неба послышался крик Жанны Ивановны:

– ТАК, КУЦЕНКО! ВОТ У ТЕБЯ ХУЙ МЕЖДУ НОГ ВИСИТ, НАГИБАЙСЯ И СОСИ!
Интересно, что бы про неё сказал Достоевский?

6. Седьмая палата. Леночка и Чуча

Седьмая палата – она же наблюдательная – настоящие сливки общества. Сюда кладут тех, за кем нужен глаз да глаз – наглухо отбитых психов, буйных, громких. Здесь круглосуточно стоит такая вонь, что сюда без необходимости не заходит даже персонал, и такой шум, что уснуть там без снотворного очень сложно. Здесь открыто предаются копрофагии, гомосексуализму и прочим не самым визуально приятным вещам – «Зелёный слоник» отдыхает.

Сразу слева от дверного проёма лежит Вареник. Жуткое зрелище: мужик такой толстый, что не может встать с кровати – последнее взвешивание показало 186 кг. Кушает и ходит в туалет прямо на месте, поэтому запах соответствующий. Говорит тоже редко, в основном воет и скулит.

– Уыыыы! – плачет Вареник.

– Что случилось? – спрашивает добрая санитарка.

– Уыыыы!

Быть он может по поводу и без повода, но это не самое неприятное. Гораздо хуже то, что ходит он в туалет прямо под себя, и его приходится таскать вчетвером в душ – иногда по несколько раз в день. А ещё у него периодически случаются сильные приступы эпилепсии, и он теряет сознание – уже два раза его возили в реанимацию. А поднимать почти двухсоткилограммовую тушу на второй этаж по узкой лестнице – задача сложная даже для шестерых человек. Среди персонала часто можно услышать такие разговоры:

– Когда эта туша уже сдохнет?

– Ага, побыстрее бы...

Ждут этого также и больные, которым приходится таскать его в душ каждый день, а ещё больше – те больные, которым приходится менять его грязное белье.

Впрочем, есть тут люди поинтереснее.

Леночка.

Это тридцатилетний эпилептик с умственной отсталостью, считающий себя женщиной. На самом деле Леночку зовут Николаем, и фамилия у неё Чайкин. Но отзывается она на эту фамилию редко, и порой очень злится:

– Я не Коля Чайкин, я Елена Исинбаева! Выебите меня в пизду, я хочу забеременеть!

Но когда его зовут по фамилии на таблетки, он исправно ходит и не возражает. Тут уж ничего не поделаешь.

Рядом с Леночкой Чайкиным лежит уже известный вам по второй главе Чуча. Их обычно стараются не класть в одну палату из-за их вечного противостояния. Выглядит это обычно примерно так:

– Чуча!

– **НЕ ОБЗЫВАЙ МЕНЯ!** – орёт Кучин.

– Чу-чу-чу-ча! – дразнит его Коля-Леночка.

– **ДА НЕ ОБЗЫВАЙ МЕНЯ!**

– У Чучи в жопе якорь, у Чучи в жопе якорь!

– **ЯКОРЯ У КОРАБЛЕЙ, ДЕБИЛ!** – орёт Чуча ещё громче.

На крик приходит уже изрядно выпивший Палыч.

– Куча, пидарас, хуле ты опять орёшь? – спрашивает он заплетающимся языком.

– **ЧАЙКИН МЕНЯ ОБЗЫВАЕТ! ОН ДУРАК КОНЧЕННЫЙ, Я ЕМУ ЕБАЛО НАБЬЮ!** – брызгая слюной во все стороны из беззубого рта, орёт Чуча.

– Заткнись, блять, хуила ёбаная, или я тебя сейчас привяжу и в жопу шваброй выебу, дерма кусок! – не скупится на выражения пьяный медбрат.

– А ПОЧЕМУ ЧАЙКИН ГОВОРИТ, ЧТО У МЕНЯ ЯКОРЬ В ЖОПЕ? **ЯКОРЯ У КОРАБЛЕЙ! У МЕНЯ НИКАКОГО ЯКОРЯ НЕТ!**

– У него в жопе якорь! Я видела! – орёт Коля-Леночка.

– **НИКАКОГО ЯКОРЯ НЕТ, ВОТ, СМОТРИТЕ!** – орёт Чуча и снимает подгузник. По палате распространяется резкий запах. – **НЕТУ НИКАКОГО ЯКОРЯ!**

– Ах ты мудака, опять обоссался! Тебя же только купали! – злится Палыч.

– Он якорь спрятал в жопе! Он спрятал якорь в жопе! – Кричит Леночка.

– **НИКАКОГО ЯКОРЯ НЕТ, ЗАПОМНИ ЭТО! ВОТ, СМОТРИ!** – кричит Чуча, опять снимая штаны. – **Я НЕ КОРАБЛЬ, Я СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КУЧИН, Я ЧЕЛОВЕК, И НИКАКОГО ЯКОРЯ У МЕНЯ НЕТ! ЩАС У ТЕБЯ БУДЕТ ЯКОРЬ! ПИЗДА ТЕБЕ!**

Злой Палыч подходит к Чуче. Тот сразу меняет тактику:

– Извинипожалуста! Я не буду орать!

Но поздно. Палыч начинает методично лупить Кучина по спине и бокам.

– **НЕ БЕЙ МЕНЯ! ПИДАРАСЫ ВСЕ, НЕНАВИЖУ ВАС! ЧАЙКИН ПЕРВЫЙ НАЧАЛ!**

– **НЕ БЕЙ МЕНЯ! ПИЗДА ВАМ ВСЕМ ОТ БРАТА! ВАС ВСЕХ УВОЛЯТ, НА ПОМОЙКЕ БУДЕТЕ! НЕ БЕЙ МЕНЯЯЯЯ!**

– **СУКИ, НЕНАВИЖУ ВАААААС! НЕ БЕЙ МЕНЯ, МНЕ БОЛЬНАААААААААА!**
ИЗВИНИПОЖАЛУСТА НЕБЕЙМЕНЯЯЯЯЯ!!!

– АААААААААААА!!!

– Так тебе, получай! – злорадует Леночка Чайкин.

– Ты щас тоже получишь, хуила, если не свой полоумный ебальник не заткнёшь! Хватит больных драконить! – говорит Палыч, заканчивая мутузить Чучу.

– А у него якорь в жопе! – говорит Леночка, разводя руками в сторону, показывая размер. – Воооот такой!

– **ЭТО БРЕХНЯ, НИКАКОГО ЯКОРЯ НЕТ!**

Вновь подключается Палыч.

– **НЕТ, НЕ БЕЙ МЕНЯ, Я БУДУ МОЛЧАТЬ, ЧЕСТНО, НЕБЕЙМЕНЯЯЯЯЯЯ!**

На крики сбегается пол-отделения. Всем очень смешно наблюдать за таким зрелищем, и они всячески подстрекают участников действия.

– **ЭТО БРЕХНЯ, ЯКОРЯУКОРАБЛЕЙ, МНЕБОЛЬНААААААААААААААА!!!!!!** – продолжал орать Чуча, но это только подзадоривало медбрата.

Палыч был садистом и на трезвую голову, а алкоголь превращал его в самого настоящего изверга.

7. Всего лишь

– **РАЗОШЛИСЬ ПО ПАЛАТАМ!** – Орёт Жаба Ивановна. – **ВСЕ ПО СВОИМ ПАЛАТАМ! ПОКА ВСЕ НЕ РАЗОЙДУТСЯ, В СТОЛОВУЮ НИКОГО НЕ ПУЩУ! ВЫКЛЮЧАЕМ ТЕЛЕВИЗОР!**

Больные неохотно расходятся по комнатам. Кто-то выключает телевизор.

– **ЗАПРАВЛЯЕМ СВОИ КРОВАТИ! ПОКА ВСЕ НЕ ЗАПРАВЯТ СВОИ КРОВАТИ, НИКТО НА УЖИН НЕ ПОЙДЁТ! КУЧИН, ЯЩЕРИЦА ТЫ ТУПАЯ, ПОЧЕМУ КРОВАТЬ НЕ ЗАПРАВЛЕНА?** – не понижая голоса, орёт Жанна Ивановна.

– **ЯЩЕРИЦА ЭТО ЖИВОТНОЕ, А Я НОРМАЛЬНЫЙ!** – тем же тоном отвечает Кучин.

– Чуча, заправь кровать по-хорошему! – поддразнивает его санитарка Леночка. – Иначе я Пал Палыча позову!

Она подходит к его кровати и начинает её заправлять. Из пододеяльника вываливается флакон с дешёвым гелем для душа.

– Ах ты негодяй такой! – ругается она. – Жанна, смотри, а мы его утром найти нигде не могли! Это Кучин из душевой спиздил!

– **Я НОРМАЛЬНЫЙ!** – орёт Чуча. – **Я НЕ СПИЗДИЛ, ЭТО МНЕ БРАТ ПРИВЁЗ, ЧЕСТНО!**

– Ах ты гондон такой! Ах ты гнилой пидарас! Сифилисная дырка! – вмешивается Палыч. – Опять шампунь спиздил!

– **НЕ БЕЙ МЕНЯ!** – начинает орать Чуча, хотя Палыч ещё даже не подошёл.

Сзади к нему подкрадывается Коля Чайкин и бьёт кулаком по спине. Кучин начинает орать:

– **ЧАЙКИН МЕНЯ БЬЁТ! МНЕ БОЛЬНО! ВАС ВСЕХ УВОЛЯТ И ПОСАДЯТ В ТЮРЬМУ! ВЫ ВСЕ ПИДАРАСЫ!**

– **Чайкина вязать надо,** – констатирует Палыч. – Лена, неси вязки.

– Я не Чайкин, я Елена Исинбаева! – кричит Коля и выбегает в коридор.

Лена несёт из сестринской вязки. Палыч блокирует выход из Палаты, заслоня собой дверной проём. Но Колю Чайкина просто так не проведёшь! С диким криком:

– Аааааааааа! Я ЛЕНА ИСИНБАЕВА!

Он бежит напролом и прорывает оборону. Крепкий Пал Палыч даже пошатнулся от такого напора.

– Он дурак конченный, он сумасшедший! – комментирует Чуча. – У него мозгов вообще нету!

– А у тебя как будто есть? – спрашивает санитарка.

– **Я НОРМАЛЬНЫЙ!!!** – снова резко повысил голос Кучин. – **ЭТО ВЫ ВСЕ ТУПЫЕ, А Я НОРМАЛЬНЫЙ! ПОНЯЛИ?!**

Тем временем Коля Чайкина бежал по коридору в другой его конец. За ним Палыч и Лёша Комаров, решивший заработать баллы у персонала. И тут с тем же криком:

– Аааааааааа!

Коля Чайкин врезается головой в дверь балкона и проламывает её насквозь. Голова, оцарапанная дверью, застревает в ней, но Коля не чувствует боли, хотя продолжает орать:

– Аааааааааа!

Его не сразу получается вытащить. После нескольких безуспешных попыток Пал Палыч выдёргивает Колю за руку, оставляя на его шее кровоточащие царапины. Колю ведут обратно в палату – на вязки.

– **РАЗОШЛИСЬ ПО ПАЛАТАМ, Я СКАЗАЛА!** – кричит Жаба. – **НЕЧЕГО СМОТРЕТЬ, ВЫ НЕ В ЦИРКЕ! РАЗОШЛИСЬ ПО ПАЛАТАМ!**

ШАРАХ! – стукнула она по столу.

– Я ЖДУ, СУКИ!

Её почти никто не слушается. Пациенты толпятся возле входа в седьмую палату и наблюдают за тем, как привязывают Чайкина, который при этом орёт:

– Я БЕРЕМЕННАЯ ГОЛАЯ ЖЕНЩИНА, ВЫ НЕ СМЕЕТЕ ТАК СО МНОЙ ОБРАЩАТЬСЯ, Я БУДУ ЖАЛОВАТЬСЯ В ПОСОЛЬСТВО США!

Неизвестно, где именно Коля нахватался таких слов. Во время приступов он, бывает, и на чужом языке заговорит, а потом не помнит ничего. Вот Варганчик из пятой палаты вообще считает, что шизофрения – это дар божий, а голоса в голове – небесный эфир.

Тем временем в отделении образовывается новая кучка – больные толпятся вокруг двери в столовую и смотрят в дверные щели на остывающий ужин.

– ВСЕ РАЗОШЛИСЬ ПО СВОИМ ПАЛАТАМ! – рявкнула Жанна Ивановна. – ПОКА ВСЕ НЕ РАЗОЙДУТСЯ ПО ПАЛАТАМ И НЕ ЗАПРАВЯТ СВОИ КРОВАТИ, НИКТО НА УЖИН НЕ ПОЙДЁТ!

Тем временем санитарка тётя Рая, проверяя одну из кроватей, нашла странный свёрток. В аккуратно запаянной целлофановой обёртке от пачки сигарет был небольшой – размером с фалангу пальца – комок чего-то чёрного.

– Наркотики, наркотики, у них тут наркотики! – завопила Рая, демонстративно схватившись за сердце. – Срочно звоните Игорю Николаевичу!

– Это походу камень, братва! – удивлённо сказал Фархад Стасику. – Как он прошёл мимо нас?

– Бля буду, не знаю! – ответил Стасик.

Игорь Николаевич мигом прилетел на зов злой санитарки Раи. Та всё бормотала:

– **И как им не стыдно, ой, ой, ой, как не стыдно!** – Рая опять схватилась за сердце. – За наркотики здесь находятся и наркотики сюда тянут!

Под всеобщие ахи и охи Рая протянула Игорю Николаевичу свёрток. Тот внимательно осмотрел его со всех сторон, покрутил в руках, затем вскрыл и понюхал. Все взгляды устремились на него, и вдруг он произнёс:

– А-а, не беспокойтесь, **это всего лишь говно.**

По отделению прошла волна безудержного смеха. А ужин тем временем всё остывал.

8. Ужин

– Первая, третья и четвёртая палаты, н-на ужин! Жрать, долбоёбы! **Жрите, суки, давитеесь!** – закричал Палыч. Пока заведующий нюхал говно, медбрат уже успел накатить.

Больные послушно побрели в столовую. Сначала зовут палаты с наименьшим количеством коек – в первой, третьей и четвёртой их по восемь – потом уже остальные палаты, в которых по двадцать мест.

– Паша, ну просила же тебя не пить хотя бы сегодня! – на удивление тихо проговорила Жанна Ивановна. – Вот-вот главврач придёт на ремонт посмотреть.

– Да я же только опохме... – начал Палыч, но...

буээээээ!

На полу возле входа в столовую образовывается лужа оранжевой рвоты. Кому-то из больных обрызгало ноги.

– ТАК, А НУ ВСЕМ СТОЯТЬ! БУКА! ГДЕ БУКА, МАТЬ ЕГО? А НУ БЫСТРО БЕРИ ШВАБРУ И УБИРАЙ! **ПАША, УЙДИ С ГЛАЗ ДОЛОЙ И НЕ ПОКАЗЫВАЙСЯ НА ГЛАЗА НИКОМУ, А ТО ПРЕМИИ ОБОИХ ЛИШАТ ИЛИ ВООООЩЕ УВОЛЯТ!** – Жаба всё же повысила голос. – **ВТОРАЯ И ПЯТАЯ ПАЛАТЫ, НА УЖИН!**

Палыч пошёл блевать в туалет. Бука, местный грязнорабочий и по совместительству главная путана отделения, послушно убирал лужу вонючей рвоты.

Тем временем люди уже приступали к трапезе. Накрывала на стол тётя Рая. На ужин была вонючая перловая каша с редкими кусочками говядины.

– А почему мяса так мало? – спросил один тихоня из пятой палаты.

– А ты не видишь, кто на столовой работает? – ухмыльнулся Фархад. – твоё мясо ушло в фонд африканских горнолыжников!

– Поговорите мне, поговорите! – разозлилась тётя Рая.

– Да ладно, Раиса, мы же оба знаем, как твой муж по-тихому на велосипеде за ведрами приезжает! – засмеялся Фара. – Мы с Лысым в субботу лично видели, как ты казённые харчи выносишь...

Рая побледнела – она не знала, что за ней тогда наблюдали.

– **ДА КАК ТЫ СМЕЕШЬ?!** – У неё сорвался голос. Она заметалась туда-сюда, незаметно отодвинув подальше под стол ведро с оставшимся казённым мясом. – **ОЙ, КАКОЙ БЕССОВЕСТНЫЙ, В ЧЁМ МЕНЯ ОБВИНИЛ!** Сколько дают, столько и накладываю! Ой-ой-ой! Сердцу плохо! Жанночка, у тебя есть корвалол?

По столовой проходили негромкие смешки. В истинности слов Фарика никто не усомнился ни на секунду.

На самом деле на питание одного человека в день государством выделялось около пяти-сот рублей. Половина пилилась ещё до того, как продукты будут отправлены, ещё часть – на пищеблоке; до столовой доходило максимум сто. И из этой сотни предприимчивая тётя Рая щедро откладывала себе половину. В основном мясо, сыр и хлеб.

– **Рая, главврач заходит!** – тихо сказала вдруг Жаба.

И тут с сердцем у толстой тётя Раисы всё вдруг стало хорошо. Под шумок она схватила ведро с мясом и спрятала глубоко-глубоко в раздатку – туда, где никто не увидит.

Зашёл главврач. В столовой наступила гробовая тишина. Неловкое такое молчание. И его нарушил Фарик:

– Лунтик, что ты делаешь за сигарету?

– **Нюхаю писюн!** – отвечает безотказный Лунтик.

Дикий гвалт и смех. Жаба Ивановна заорала бы, как цербер, но при главвраче не получится.

– Что-что, мы не расслышали? – повторяет Фара.

– **Нюхаю писюн!** – такой же весёлой интонацией отвечает Лунтик.

Вся столовая умирает со смеху. Врач молча стоит у входа в столовую. Жаба Ивановна мечтает провалиться сквозь землю.

– А за две сигареты? – спрашивает Стасик.

– **Два раза нюхаю писюн!** Ну или нюхаю два писюна. – с улыбкой отвечает Лунтик.

– А за пачку?

Главврач, не сказав ни слова, удаляется под аккомпанемент блюющего в туалете Пал Палыча. Вечером он напишет рапорт о произошедшем. Утром рапорт прочтёт Игорь Николаевич, наорёт на смену во время планёрки, пригрозит лишением премии, но этим всё и ограничится.

Планёрки гораздо больше боялась тётя Рая – Мышкин её уже несколько раз отчитывал за воровство продуктов. Но в этот раз всё обошлось, и она, перекрестившись, пообещала себе в следующий раз воровать осторожнее.

9. Лунтик

Вы заходите в туалет. Возле дальней раковины сидит на корточках вечно улыбающийся паренёк с лысиной на голове. Это Вова Лунатенко по прозвищу Лунтик. Ему тридцать два.

Если у него спросить:

– Лунтик, что ты делаешь за сигарету?

Неизменно получите ответ:

– Нюхаю писюн!

Это было очень давно – лет шесть назад, когда Лунтика сюда только положили. Но, как часто случается, этот случай запомнился всем надолго, и от этого клейма Вова уже не смог избавиться. Например, у группы «Quest pistols» есть песня, где поётся:

– То самое чувство, когда ты круче всех!

Многие дразнят Лунтика, водя перед ним сигаретой и напевая:

– То самое чувство, когда понюхал член!

Лунтик попал сюда после того, как накурился синтетической смеси и убил свою бабушку ударом с ноги. Уголовное дело заводить не стали и списали на несчастный случай, самого Лунтика навсегда упекли сюда и лишили дееспособности. А его тётя предприимчиво отжала себе двухкомнатную квартиру, доставшуюся тому от матери. Если вы спросите Лунтика, за что он здесь, то услышите ответ:

– У меня пять принудок. Два изнасилования, убийство бабушки и две ещё за наркотики. Оставьте, пожалуйста, покурить!

Тётя Лунтика неизменно привозит ему по два блока сигарет каждый месяц, но их у него забирает местный блаткомитет.

– Лунтик, тебе же два блока вчера привезли? Куда ты их дел? – спросил его кто-то любопытный.

– Ну-у, блок я отдал Стасику, ещё шесть пачек Фариду, а остальные раздал. Оставишь покурить?

– Зачем ты свои сигареты раздаёшь? Сколько ты сам скурил из своих двух блоков?

– Зато Стасик мне покурить оставляет. Где-то полпачки сам скурил.

– И почему ты к Стасику не идёшь?

– Не знаю. Оставишь покурить? Чуть-чуть. На пару тяг!

И тут вмешивается Стасик.

– Лунтик, что ты делаешь за сигарету?

– Нюхаю писюн! – на автомате ответил тот.

– У тебя есть возможность заработать себе покурить! – сказал Стасик. – Давай!

– Ну это же шутка, я же больше так не делаю! – грустно сказал Лунтик.

– Две сигареты!

– Ну правда, это же шутка просто, это же некультурно!

– Три сигареты! – повышает ставку Стасик.

– Три сигареты, кто больше! – вмешивается в разговор Лысый. – три сигареты раз, три сигареты два, три сигареты...

– Пять сигарет! – сказал кто-то.

– Шесть сигарет, и точка! – отрезал Стасик.

– Шесть сигарет раз! Шесть сигарет два! Шесть сигарет три! **Продано!**

– Ну что, Лунтик, приступай! – сказал Стасик и снял штаны.

Лунтик нехотя подошёл к нему, встал на колени и сделал то, что должен был сделать. Весь туалет взорвался смехом.

– И чем пахнет? – спросил его ухахатывающийся Лысый.

– Ну не знаю. Как обычно! – грустно промямлил Лунтик. – Стасик, ты же дашь мне шесть сигарет?

– Нет, – ответил Стасик.

– Почему? – обиженно спросил Лунтик.

– **ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЛОХ, И Я ТЕБЯ КИДАЮ!!! АХАХАХАХАХХ!!!** – рассмеялся Добрый, а вместе с ним и весь туалет. Лунтик с грустной физиономией ушёл обратно в угол и сел на корточки.

После этого все разойдутся, и в туалете останетесь только вы с Лунтиком.

– Извините, а вы не оставите мне, пожалуйста, покурить? – спросит он у Вас.

И вы оставите ему покурить, а то и целую сигарету дадите. **Ведь мир не без добрых людей.**

10. Операция «Процедурка»

Половина десятого. Прошла вечерняя раздача таблеток, отделение готовится ко сну. И только первая палата не дремлет. Как говорится, город засыпает, просыпается мафия.

– Ну что, братва, как насчёт нашего плана? – спросил Стасик. – Карбид и свинина ждут нас!

Свининой в дурдомовской среде называют циклодол – таблетки, корректирующие побочные эффекты галоперидола и других нейролептиков, также иногда используемые для лечения болезни Паркинсона. При передозировке вызывают возбуждение, повышенное сердцебиение, прилив энергии и галлюцинации, а спустя какое-то время бессонницу и депрессию. Также циклодол называют мотоциклом, циклом или дурдомовской скоростью. У него есть аналоги – например, безак и акинетон – но наибольшей популярностью пользуется именно циклодол. Его вы, кстати, нигде не достанете без рецепта – он продаётся только в государственных аптеках под очень строгим контролем. А карбид – это карбамазепин, противосудорожное. От него тормозят, залипают и засыпают.

– Звучит заманчиво! – говорит Комар. – Палыч уже в говно, спит в четвёртой палате. Жаба в дежурке, Рая – на том продоле. Надо их обеих отвлечь.

– Я беру на себя Жабу, – говорит Стасик.

– Рая на кого? – спрашивает Фара. – я её сегодня раздраконил, так что чур не я.

– Как раз ты и извинишься! – говорит Комар. – скажешь ей красивые слова, и она отвлечётся, а мы по-быстрому туда и обратно.

– Бля, ну только не это! – возмущается Фара. – В списке людей, которых бы я, не задумываясь, пристрелил, Рая была бы на первом месте.

– Братан, а кто, если не ты? – вмешивается Стасик. – Ты прямо от всего сердца перед ней извинись! Скажи, что кинул фразу сгоряча. На благо общего, брат!

– Бляяя, Стасик, ну это жесть.

– Ты сможешь, брат! Ради нашей движухи.

На том и сошлись, и немедля приступили к выполнению:

– Жанна Ивановна, а вы давно здесь работаете? – Стасик подошёл к посту.

– Ой, знаешь, Стас, давно. Двадцать восемь лет. Вот помню, в девяносто шестом году, когда заведующим был Николай Вадимович...

* * *

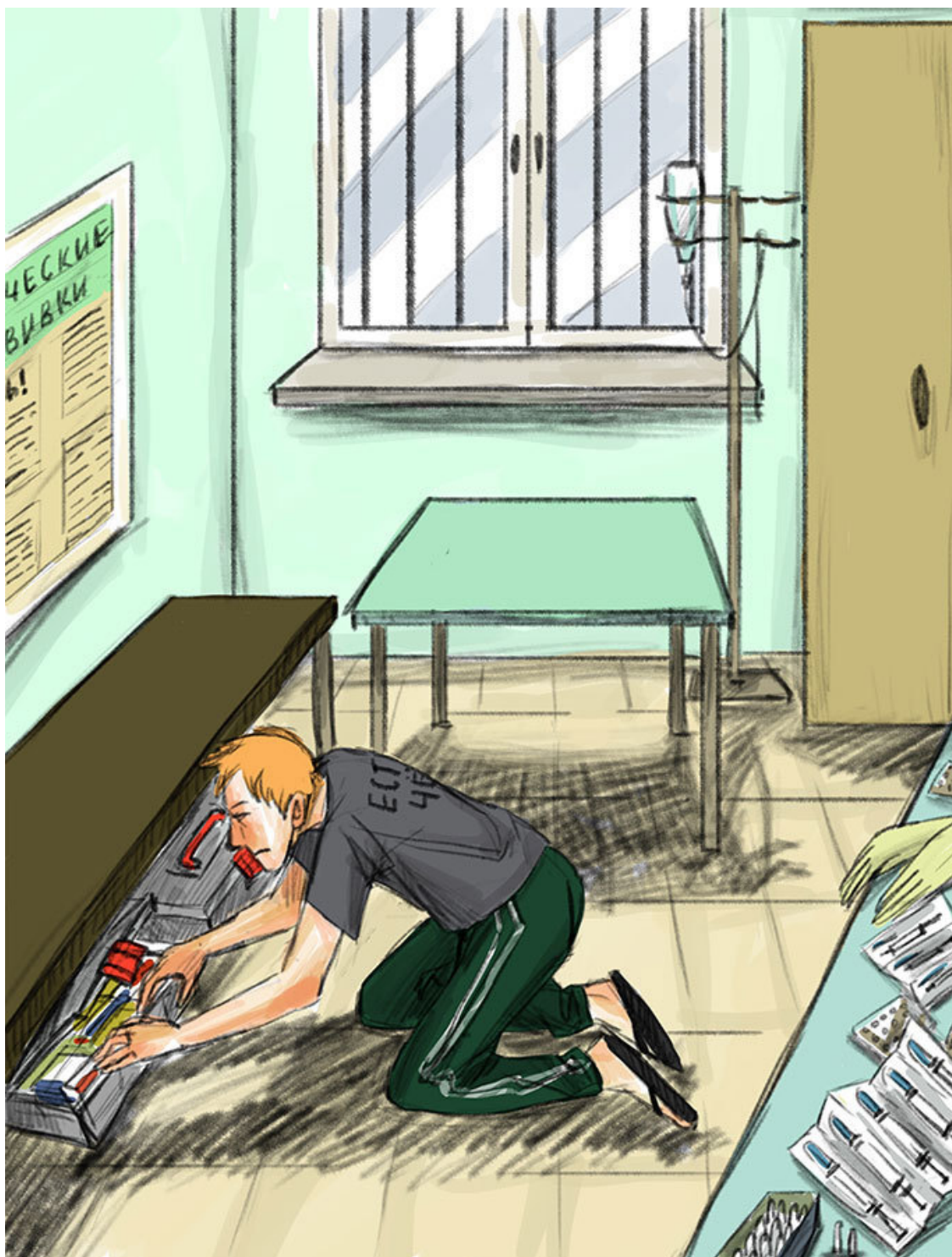
– Тётя Рай, вы меня простите, я же сгоряча! – начал тем временем на другом коридоре Фарик. – Я бы на вас в последнюю очередь подумал!

– Ой, Мамедов, и обидел ты меня! – начала тётя Рая. – Я же за пятнадцать лет работы ни разу себе даже близко такого не позволила! Да я же, я же...

* * *

Тем временем Комар, прошедший на цыпочках за спиной у тёти Раи, тихо прошмыгнул в процедурный кабинет. Там было тихо и пусто. Идеальные условия. Только таблеток почему-то нигде не было видно.

– Ёбаный в рот, где эти ссанные колёса? – выругался он вслух.

3. Лёша Комаров в поисках циклодола

Открыв пару шкафов, он ничего не увидел. Неужели убрали? Он уже начал бесцеремонно рыться по ящикам с лекарствами, стоящими под кушеткой, но всё тщетно...

* * *

– И тогда ещё наше отделение было на первом этаже, и главврач больницы был Василий Аркадьевич Богатыренко... Ох, я столько насмотрелась за это время! – разговорились Жанна Ивановна. Стасик делал вид, что внимательно слушает.

* * *

– А ты знаешь, сколько раз я не давала людям выносить отсюда продукты? За столько лет я ни разу себе ничего не позволила... – продолжала тётя Рая. – Да я же...

* * *

И тут она остановилась.

– Что это за шум в процедурном кабинете? – удивилась она.

Фара сглотнул.

– Тётя Рай, я вас всегда очень любил и уважал! С тех пор, как оказался здесь. Вы очень хорошая и порядочная женщина!

Рая отвлеклась.

– Ой, спасибо тебе! – покраснела она. – Так, пойду проверю процедурный...

В этот момент из процедурного кабинета вышел Комар.

– Так, и что у нас принудчик делает в процедурном кабинете? ЖАННА! – заревела на всё отделение тётя Рая. – КОМАРОВ В ПРОЦЕДУРКЕ!

Комаров, уже отчаявшись что-либо исправить, быстро пробежал от процедуры до туалета.

– Братва, все за мной! – крикнул он.

Жанна Ивановна и тётя Рая тут же раскусили весь хитроумный план, но было уже поздно. Фара, Комар, Герман, Стасик и Лысый были уже в туалете. Стас держал дверь обеими руками, пока с обратной стороны её пыталась открыть Жанна Ивановна. Тем временем Комар выворачивал карманы прямо в раковину.

– Я брал всё, что попадётся, – сказал он. – Вроде свинина была...

Большую долю украденных таблеток составлял, к сожалению, галоперидол.

– Блять, ты не мог карбид с циклухой спиздить? – ругался Герман. – На видном месте же было?

– А хуле ты сам не пошёл на дело, раз такой умный?

– **ВЫ ОХУЕЛИ, ЧТО ЛИ?** – орала Жанна Ивановна. – **ВЫ СОВСЕМ ОХУЕЛИ? ОТКРОЙТЕ ДВЕРИ! БАРЛЕЕВ! Я ТЕБЕ ЭТОГО НЕ ПРОЩУ! ВСЮ ЖОПУ ЗАКОЛЮ, СТОЯ СРАТЬ БУДЕШЬ!**

– Они таблетки из процедуры украли! – кричала Рая.

Тем временем ребята отделили все лекарства, которые хоть как-то «вставляют», поделили их между собой и сожрали, запив водой из-под крана. Улов был небогат: каждому досталось по четыре таблетки циклодола и по две карбамазепина, а Стасу и Фариху, как самым главным, перепало дополнительно по пять колёс феназепамы.

– Я ЗВОНЮ ИГОРЮ НИКОЛАЕВИЧУ! – орала Жаба.

Лысый встал у двери и держал её. Стасик тем временем отошёл от неё и выпил свою порцию таблеток.

– Пизда нам! – констатировал Фара.

– Кто не рискует, тот не пьёт шампанское! – ответил Герман.

Игорь Николаевич тем временем уже пришёл из другого отделения и стоял под дверью.

– Мамедов! – кричал он. – МАМЕДОВ, БАРЛЕЕВ И КОМАРОВ, И КТО ТАМ ЕЩЁ В ТУАЛТЕТЕ! ЕСЛИ ВЫ СЕЙЧАС ЖЕ НЕ ОТКРОЕТЕ ДВЕРЬ, ТО Я БУДУ ПОДАВАТЬ ДОКУМЕНТЫ НА УСИЛЕНИЕ РЕЖИМА!

Это были волшебные слова. На усиление режима никто не хотел – это означало продление принудки минимум на пару лет, плюс ещё интенсивное лечение со страшными уколами. Ещё раз порывшись в раковине, Стасик убедился, что всё, что хоть как-то прёт, было съедено, и скомандовал Лысому:

– Открывай, братан, будь что будет!

Дверь открылась.

Игорь Николаевич обрушил на них весь свой гнев:

– ДА ВЫ СОВСЕМ ОХУЕЛИ, ЧТО ЛИ?! – орал он. – ВСЕХ ИЗ ТУАЛЕТА НА ВЯЗКИ В СЕДЬМУЮ ПАЛАТУ! ВСЕХ ДО ЕДИНОГО! ПЕРВАЯ ПАЛАТА ПЕРЕЕЗЖАЕТ В СЕДЬМУЮ!

– Так Мамедов ещё подмазывался ко мне, отвлекал, а я поверила, что он извиняется...

– Хуй бы я извинился! – улыбнулся Фара. – Я же лично видел твоего мужа на велосипеде!

Игорь Николаевич, примите меры, её колхозный ёбырь опять за казённым мясом приезжал!

– Ой, ой, с сердцем плохо, дайте корвалол! – запела вновь тётя Рая.

Тем временем Игорь Николаевич и санитар из соседнего отделения вязали принудчиков. Изначально на это дело хотели позвать Палыча, но тот даже не проснулся.

– ТЫ ЕЩЁ ЗА ХУЙ МЕНЯ ПРИВЯЖИ, АХАХАХХАХА! – Крикнул Добрый.

– Поговори мне, поговори! – ответил Игорь Николаевич. – **На спец-режим уедешь!**

Но все знали, что на спец никто не уедет. Дело ограничится вязками и уколами.

– От души провернули, пацаны! – засмеялся привязанный Герман. – Циклуха разгоняет! На пятилитровой ямахе катаемся!

– Я ВАМ ПРОВЕРНУ! – орала Жаба. – **ВЫ У МЕНЯ ТЕПЕРЬ ДО КОНЦА ПРИНУДКИ В СЕДЬМОЙ ЛЕЖАТЬ БУДЕТЕ! КАК ВЫ К НАМ, ТАК И МЫ К ВАМ!**

И так опустела первая палата. Остались в ней только храпящий Зёма, Левый, а также злорадствующий допризывник Малинин, заранее предупредивший Жанну Ивановну о планах местных бандитов. Если бы не он, принудчикам перепало бы в три раза больше циклодола, а также упаковка лирики, которую привезли для местных эпилептиков.

11. Масяня

Если зайти в случайное время в седьмую палату, то с великой долей вероятности вы увидите на кровати странную конструкцию, похожую на дом с треугольной крышей из одеяла, только роли углов играют голова и колени. Между коленками то и дело что-то движется – вверх-вниз, вверх-вниз. Эта конструкция называется «домик онаниста» или «домик шизофреника». Если вдруг спросить:

– Эй, кто это там дронит?!

Неизменно увидите на секунду высунутую из домика смуглую небритую мордашку и услышите:

– Я не дроню!

Это Масяня. И он дронит. Всегда и везде. В палате, в столовой, в туалете, под телевизором, на прогулочном дворике. Старается делать это незаметно, но почему-то не получается. Если его на этом действии поймать, вы услышите:

– Я не дронил, просто рука зачесалась!

Или:

– Я не дронил, я карманы проверял!

Ну или:

– Я не дронил, просто гимнастику делал!

Масяню даже одевали в смирительную рубашку, но он каким-то образом умудрялся дронить и в ней, и на рукавах её оставались белые пятна.

А ещё Масяня, как и 90 % обитателей дурдома, очень любил курить. И сигарет у него всегда не хватало. Чтобы взять в долг сигарету, он мог пообещать звезду с неба:

– Ну займи одну сигарету, ко мне завтра папа приедет, я обещаю, дам тебе доширак, две шоколадки, пачку альянса...

Когда нужно было отдавать долги, все слышали от него вечное «завтра». Когда ни спроси – папа всегда собирался приехать именно завтра. Но почему-то не приезжал. Когда ему отказывались давать в долг, он повышал ставки – доходило до соотношения 1 к 20. Тогда он просто переключался на других. А в итоге кроме местного блаткомитета, умевшего запугивать нашего шизика, никто с него долги получать не умел. Зато для Фарика и его компании приезд Масяниного отца – а такое иногда случается – становится праздником.

Но он не отчаивается и продолжает занимать у всех сигареты. Давали ему в долг только очень жалостливые. Ну или новоприбывшие. Последних Масяня очень любил. Завидит новичка – и сразу давай его обрабатывать и набиваться в друзья. Но если у него не было сигарет, интерес к дружбе терялся.

Когда-то давно Масяня был принудчиком – разбойное нападение или что-то в этом роде. В своё время даже шёл по криминальной стезе, был там в авторитете и имел блатную татуировку – звёзды на груди. Это очень не нравилось Фарику.

– Ты, ублюдок, как только тебя выпишут, чтобы вывел сразу! – ругался он. – Ты больше не имеешь права такое носить, ты позоришь эти звёзды!

Но на свободе Масяня никогда не мог продержаться больше недели. То соседней затопит, то кота убьёт, то сдаст телевизор в ломбард, и – вуаля! Раньше были качели – с тюрьмы на волю и обратно, а теперь место тюрьмы занимает дурдом. За последние три года его выписывали четыре раза. И все четыре раза через несколько дней он возвращался.

– Ты, скотина, ты почему звёзды не вывел, ублюдина? – злился Фархад.

– Я не успел, я не успел! **Я выведу, обещаю!** – скулил Масяня.

Но когда приходила пора вписываться, он обо всём забывал. Направляясь к выходу, кричал всем:

– Вы, неудачники, счастливо оставаться! **Как я рад, что никогда вас больше не увижу!** И сигареты я вам не отдам! Чтоб вы все дальше тут гнили, придурки! Ха-ха-ха!

Но если здесь его как-то могли держать в узде таблетками и уколами, то дома он лекарств сторонился и всегда творил какую-то беду. И каждый раз, когда он возвращался, получал от Фархада по полной программе.

Когда он вернулся в последний раз, Фарик долго не церемонился. Он заперся с Масяней в туалете. Были слышны крики о помощи, но никто не открывал – смена была предупреждена. Через полчаса Масяня вышел из туалета, и вместо звёзд на его груди было что-то непонятное – Фархад со Стасом выжгли звёзды, а когда всё зажило, разобрать изначальный узор было почти невозможно.

12. Карательная медицина

Даже среди людей, не имеющих и далёкого отношения к психиатрии, ходит много слухов о лекарствах, которые превращают человека в овощ. Какие-то из этих слухов имеют под собой основания, какие-то – нет. Но в целом такая практика имеется. И мы вас с ней ознакомим.

Галоперидол, также известный как **галочка** – в психушках это лекарство номер один. Вообще он предназначен для снятия симптомов шизофрении – таких, например, как навязчивые состояния или голоса в голове. Но добрые доктора и медсёстры, зная о страшных побочных эффектах галочки, используют её в качестве наказания, и особо провинившиеся личности, даже если у них нет явных симптомов и психических отклонений, получают его в таблетках и инъекциях. А ещё его дают многим принудчикам. Из новоприбывших – всем.

Вот, например, Никита Моргунов, восемнадцатилетний принудчик. Пару месяцев назад он в тёмном подъезде употребил большую порцию курительной смеси и потерял сознание. При личном досмотре полицейские у него ничего не нашли, но подложили бессознательному телу в карман пакет с недавно изъятым веществом. Придя в себя, Никита вёл себя крайне неадекватно, и после подписки о невыезде его направили на судебно-психиатрическую экспертизу, где признали невменяемым.

По прибытии Никита получил назначение – два раза по две «пятёрки» галоперидола в день, с особым указанием каждой смене – измельчать таблетки в порошок, чтобы не давать пациенту прятать их. И в первый же день у Никиты начал проявляться гиперкинез – глаза закатились вверх, шея повернулась вправо, широко открылся и не закрывался рот. Всё это сопровождалось дикой болью. Никита кричал и бил кулаком в стену, но Игорь Николаевич дал особое указание – циклодол без назначения не давать (а это значительно улучшило бы состояние). Тем, кто сжалится над ним и даст антидот, грозило лишение премии.

Конечно, зрелище это страшное. Фара без лишних вопросов отдал Никите свою заначку – две таблетки циклодола, припасенные на хороший день, так же поступил и Герман; а вот Стас, у которого был целый лист, этого не сделал – себе дорожке. Из всего персонала ему помогла лишь одна очень добрая медсестра, уколов ему на ночь кофеин. Это тоже помогало. В любом случае надолго этого не хватило, и мучился Никита очень сильно.

Через день приходят родители и видят его в таком состоянии. Слезы, крики. Просят к доктору. Умоляют его не кормить их отпрыска такими лекарствами. Но тот непреклонен – принудчиков должны лечить.

– Я вас прекрасно понимаю, мне тоже всё это не нравится. – бессовестно врал Игорь Николаевич. – **Но я не могу нарушать закон, понимаете?** Все принудчики должны получать лечение...

– Но ведь вы не всех принудчиков лечите? Ну скажите правду, Игорь Николаевич... – со слезами на глазах умоляет мать, – Что нам сделать, чтобы Никиту не лечили? Вы же знаете, что он здоров...

– Если бы он был здоров, он бы сюда не попал. Я вас прекрасно понимаю, но ничего не могу сделать. А если кто-то говорит, что его не лечат, то это неправда. Там просто **индивидуально подобранное лечение**. Некоторым мы подбираем так...

И уже через несколько дней Моргунов-старший передаст Мышкину конверт с деньгами. Пять тысяч в месяц на «**индивидуально подобранное лечение**» – этот ценник Игоря Николаевича в больнице знают все и передают из уст в уста.

Или вот, например, на раздаче таблеток ещё один новоприбывший больной отказывается запивать таблетки из мензурки, которую только что обслуживил сифилитик Кучин.

– Вы должны их дезинфицировать! – кричит он.

И это правда. Которая, к сожалению, мало кого волнует. Большинство больных ходят запивать со своей водой в бутылке или кружке, но новичка никто не предупредил.

– Я не буду отсюда пить! – кричит он. – Я не хочу сифилис!

Медсестра звонит доктору и сообщает: **больной отказывается пить лекарства, громко кричит, буйствует.** Игорь Николаевич постановляет: немедленный укол 3-х кубиков тизерцина, а с завтрашнего дня назначить 2–1 аминазин-галоперидол на 10 дней.

А есть ещё так называемые «**масляные**» уколы – клопиксол акуфаз, галоперидол деканоат, модитен депо. Они действуют две или три недели в зависимости от дозировки. Страшная вещь. Во время укола всё нормально, на следующий день тоже. Через два дня начинается эффект, через три-четыре дня пик действия, и неподготовленные больные порой готовы на колени встать ради таблетки циклодола – настолько сильно скручивает мышцы. Кое-как помогает кофеин, и поэтому пьют крепкий чай или жрут его всухомятку.

Далеко не у всех галочка вызывает гиперкинез. Как правило, у настоящих шизиков всё проходит ровно. А вот здоровые люди её переносят тяжело. И для того, чтобы показать вам, насколько, мы перенесёмся на четыре года назад.

Тот же коридор. Тот же пост. Идёт раздача таблеток. На смене в тот день толстая шепелявая старуха Вероника Александровна Шепелева по прозвищу Шапокляк. С виду – милая бабушка, божий одуванчик, **но это только с виду.**

Есть такое понятие – контактная шизофрения. Это когда здоровый человек долго находится в непосредственном контакте с больными, и от этого у него самого едет крыша. Так случилось и в нашем случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.